

0-783195

Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

Блинова Ольга Владимировна

**Деформация средств выражения грамматической связности
как следствие воспроизводимости текста
(на материале грамоток XVI - XVII вв.)**

специальность 10.02.01 - русский язык

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Санкт-Петербург - 2010

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель:

кандидат филологических наук, доцент
Морозова Елена Алексеевна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор
Кортава Татьяна Владимировна

кандидат филологических наук
Щёкин Алексей Сергеевич

Ведущая организация:

Институт лингвистических исследований РАН

Защита состоится 24 июня 2010 года в 15³⁰ часов на заседании совета Д.212.232.18 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 11, ауд. 195

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9).

Автореферат разослан «15 мая» 2010 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000723129

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Руднев Д. В.

Общая характеристика работы

В настоящей работе внимание посвящено анализу устойчивых формул, рассмотрению синтаксических явлений, которые встречаются по преимуществу или только в составе формул. В качестве материала выбраны опубликованные тексты грамоток, бытовых писем XVI-XVII вв., при написании которых воспроизводился достаточно стабильный трафарет (состав и последовательность формул).

Исследования синтаксической специфики формул до настоящего момента предпринято не было. Точнее, некоторые редкие конструкции включались в синтаксические описания безотносительно к тому, извлечены они из трафарета или из относительно «свободного», «основного» раздела грамоток. Все это приводило к искажению картины, отражающей состояние синтаксической системы того периода, в течение которого создавались рассматриваемые памятники. **Актуальность** настоящего исследования обуславливается тем, что элементы формулы бытовых писем впервые взяты в качестве объекта систематического грамматического описания. Исследование синтаксических моделей, по которым стоят формулы, производится с учетом исторического развития: учитывается и происхождение конкретных моделей, и их судьба после XVII в.

Известно, что разные фрагменты любого текста порождаются с разной степенью автоматизма, то есть обладают разной степенью воспроизводимости.¹ Максимальная степень автоматизма наблюдается при производстве готовых формул.

Материал грамоток свидетельствует, что пишущие часто воспроизводили формулу целиком, не обращаясь к анализу её компонентов. Таким образом, для рассмотрения целого ряда фактов, наблюдаемых в грамотках, применимо понятие «предсказуемости» текста.

Во второй части работы с собственно лингвистической точки зрения интерпретируются факты, традиционно относимые к области исторического письма: различного рода сокращения, недописывания слов, объединенные понятием «деформация». Появление главы, посвященной такого рода явлениям, было обусловлено тем, что деформации подвергаются компоненты формул, то есть возникновение некоторых лакун мотивировано постоянством состава деформируемого фрагмента текста. В соответствии с концепцией «предсказуемости» текста читающий, обладая знаниями о трафарете, может не вчитываться в трафаретную часть грамотки, а пишущий может эту формульную часть деформировать, сократить.

Итак, определенные фрагменты текстов писем, прежде всего, принадлежащие трафарету, могут рассматриваться как обладающие высокой степенью предсказуемости. Такой подход определяет **научную новизну** предлагаемого исследования.

Новым является также систематическое исследование графической аттракции, или приема устранения двойных написаний, влияющее на отражение на письме некоторых компонентов текста, в частности, предлогов и словоизменительных показателей словоформ разных частей речи (см. *дом<ом>*, *вел<ел>*, *<на> нас*, *<по> подводе*, *<с> своими*).

Вводится классификация типов сокращения словоформ: выделяются «инициальные», «слоговые», «аффиксальные сокращения». Случаи разного рода недописывания слов объединены понятием «деформации», затрагивающей, в частности, аффиксы и предлоги, то есть средства выражения грамматической связности.

Кроме того, с помощью понятия «деформация» можно объединить и выделяемые в эпистолярных формулах синтаксические модели с отсутствием формально-грамматического согласования между теми членами предложения, для которых

¹ Об этом см., например: Апресян Ю. Д. О работах И. Е. Аничкова по идиоматике // Вопросы языкознания. 1989. № 6. С. 104-119, Мельчук И. А. О терминах "устойчивость" и "идиоматичность" // Вопросы языкознания. №4. М., 1960. С. 73-81, Павлов В. М. Предметно-относительный атрибут как типологическая константа // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб., 2005. С. 169-185.

согласование чаще предусматривается (подлежащее и сказуемое, определяемое и определение). В данном случае под деформацией понимается искажение «нормативной» или более употребительной синтаксической модели под давлением постоянства состава формулы, то есть ее воспроизводимости (ср. *писавши женишка твоя челом бьет*).

Цель исследования состоит, во-первых, в выделении и описании синтаксических моделей, «законсервированных» в эпистолярных формулах; во-вторых, в выработке методики анализа и анализе деформаций текста, которые традиционно рассматриваются как случайные, не заслуживающие внимания описки.

Достижение поставленной цели предполагает решение задач, связанных с установлением механизма преемственности, действующего при написании грамоток. Другими словами, для того, чтобы понять, каким образом происходит передача традиции, то есть бытование устойчивого формуляра, следует выяснить, на какие образцовые тексты ориентировались пишущие. Важно, что именно наличие образцовых текстов, использующихся при обучении письму и предназначенных для многократного переписывания и заучивания, может обеспечивать «предсказуемость» текста грамотки.

Кроме того, в работе решаются задачи, связанные с анализом формул. Формула выделяется, описывается ее состав, способ включения в контекст, оценивается степень встречаемости. Оценивается продуктивность синтаксической модели, на основе которой формула построена. Рассматривается возможный источник возникновения специфических синтаксических моделей. С одной стороны, можно говорить об архаичных и книжных явлениях, проникающих в тексты грамоток через формулы (яркий пример - некоторые беспредложные обороты, например, дательный беспредложный в значении цели движения или родительный аблативный); некоторые явления можно квалифицировать как возникшие под влиянием устно-разговорного синтаксиса.

Важно, что ряд конструкций не книжного синтаксиса наблюдаются и в наших грамотках, и в берестяных грамотах XII в., и в бытовых документах второй половины XVIII в., и в записях современной устной речи. То есть их появление обусловлено коммуникативной организацией текста; они универсальны.

Во второй части работы интерпретируются явления, возникновение которых связывается с применением ряда графических приемов, используемых в скорописи. Выделение, описание, количественная оценка и обоснование грамматической или сугубо графической мотивации таких явлений – еще одна область задач, решаемых в данной работе.

Объектом исследования является корпус, составленный из текстов 1409 грамоток, относящихся преимущественно ко второй половине XVII в. **Предмет** анализа - во-первых, специфика синтаксической организации формул; во-вторых, графически или грамматически обусловленные текстовые лакуны, возникающие в результате деформации текста как в трафаретных, так и в относительно «свободных» разделах грамоток.

По выражению В. М. Живова и А. Тимберлейка, «узус усваивается носителем как целостное знание»,² то есть включает и знания лингвистического характера, общие принципы употребления языковых средств, и представление о типической ситуации речи, в которой употребление определенного комплекса средств будет уместно. Понятие воспроизводимости текста включает не только знания о лексическом составе, грамматических характеристиках слов и порядке слов в определенном текстовом фрагменте, но и знание допустимых регулярных приемов, связанных с графическим оформлением текста. Представляется, что в попытке связать знания о принципах письма с содержательными характеристиками памятников (в частности, грамматикой) заключается **теоретическая значимость** предлагаемой работы.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные данные могут быть применены при публикации средневековых деловых и бытовых памятников, а

² Живов В. М., Тимберлейк А. ~~Рассуждения о~~ структурализм (тезисы для дискуссии) // Вопросы языкознания, № 34, 1995. С. 11-12. **ИЗДАТЕЛЬСТВО**
им. Н. И. Лобачевского
420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 4

также в ходе преподавания ряда историко-лингвистических дисциплин (исторической грамматики, исторической диалектологии, истории русского литературного языка).

Основные представления о том, как следует подходить к изучению языковых явлений, у автора сформировались под влиянием теоретических положений и методологии современного функционализма.³ Кратко основные методы описания можно изложить следующим образом: языковые объекты могут быть описаны, исходя из тех функций, которым они служат. В приложение к задачам, поставленным в данной работе, это означает, что объяснение, например, какой-либо текстовой деформации через гипотезу случайности или ошибки имеют место тогда, когда не находится объяснения в терминах регулярных стратегий, используемых пишущим при порождении текста. Функциональный подход к языку предполагает объяснительный характер лингвистического описания, то есть основным вопросом, стоящим перед лингвистом, является вопрос «почему?».

Значительное влияние на принципы работы с материалом оказала и методология корпусных исследований. В первом приближении это касается объема принятого к рассмотрению материала. В исследовании реализуется принцип первичности эмпирических данных; внимание уделяется количественному распределению рассматриваемых явлений.

Апробация работы была произведена в рамках докладов на XXXVII Международной филологической конференции (СПб., 11-15 марта 2008 г.) и на XXXVIII Международной филологической конференции (СПб., 16-20 марта 2009 г.).

Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, Приложения, списка источников, использованных словарей и научной литературы.

Основное содержание исследования.

Во Введении обосновывается актуальность и научная новизна работы, формулируются ее цели и задачи, теоретическое и практическое значение, характеризуются методы исследования, определяется объект и предмет исследования.

Первая глава «Грамотки как лингвистический источник» посвящена анализу наиболее важных в контексте данной работы особенностей текстов, принятых к рассмотрению.

В первом параграфе характеризуется объем корпуса (1409 грамоток, или бытовых писем), его временная локализованность (в состав корпуса включены преимущественно тексты XVII в.), диалектная отнесенность; оговариваются некоторые правила воспроизведения особенностей графики памятников при их публикации, а также принятые принципы цитации материала. Затем, во втором параграфе, обсуждается сложившийся в научной литературе подход к грамоткам как к текстам, которые, вследствие прагматической направленности жанра, способны наиболее непосредственно отражать реальные процессы, происходившие в живом народно-разговорном языке, находясь в минимальной зависимости от орфографии и норм языка делопроизводства.⁴ В следующем параграфе рассматривается вопрос текстовой организации грамоток, а именно существование устойчивого трафарета - состава и последовательности формул, воспроизводящихся в традиционных зачинах и концовках грамоток. Стабильность формулара обусловлена существованием относительно устойчивой эпистолярной

³ См., в частности: Кибрик А. Е., Плуменя В. А. Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М., 1997. С. 276-339, а также Кибрик А. Е. Лингвистические постулаты // Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 2002. С. 17-27,

⁴ Об этом см., например: Котков С. И. Материалы частной переписки как лингвистический источник // Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века. М., 1964. С. 3-13, Котков С. И. Старинные русские грамотки // Русский язык в школе. №1. 1983. С. 60-62, Волков С. С. Принципы отбора деловых памятников Московского государства XVI-XVII вв. для лингвистического исследования // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Пермь, 1972. С. 103-108, Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X - середина XVIII в.). СПб., 2005. С. 324, Ремнева М. Л. Пути развития русского литературного языка XI-XVII вв. М., 2003. С. 271, Тарабасова Н. И. Явления вариативности в языке московской деловой письменности XVII в. М., 1986. С. 13.

традиции, источники которой обсуждаются в четвертом и пятом параграфах главы. Обращение к Письмовникам - эпистолярным пособиям, сборникам образцовых писем, вопроса о способе передачи традиции не решает: образцы, содержащиеся в Письмовниках, переполнены приметами книжности, их предписания в бытовых письмах не соблюдаются.⁵ Тогда как включавшиеся в состав Азбуковников «пописи (прописи) учительные», использовавшиеся в ходе обучения грамоте, демонстрируют примеры посланий, весьма схожие с реальными текстами грамоток из нашего корпуса.⁶ Таким образом, в качестве источников, обеспечивающих бытование традиции через предоставление образцовых текстов, можно принять именно тексты (точнее, обширные трафаретные разделы) грамоток, переписывавшиеся в составе «пописей учительных». Кроме того, в пятом и шестом параграфах поднимается вопрос о специфике обучения «некнижному» письму, то есть скорописи, а в седьмом - вопрос об авторстве грамоток.

Восьмой и девятый параграфы посвящены обсуждению характера нормы в памятниках бытового письменного регистра и специфическим синтаксическим стратегиям, реализующимся в таких памятниках. В частности, с опорой на мнение ряда исследователей, в особенности на мнение В. М. Живова, формулируется тезис, согласно которому нормализационные установки, реализующиеся в исследуемых текстах, связаны с соблюдением трафарета, текстовой стабильности этикетных разделов писем; в то же время такой характер нормы обеспечивает более непосредственную связь используемых механизмов текстопорождения с коммуникативной установкой текста. Таким образом, синтаксис бытовых писем предполагает использование стратегий, действующих при порождении устно-разговорной речи.⁷ В заключительном, десятом параграфе первой главы обсуждается вопрос о наличии фонда синтаксических универсалий, набора исторически устойчивых «некнижных» конструкций, появление которых обусловлено спецификой коммуникативной организации текстов бытового регистра.⁸

Во второй главе «Синтаксис формул» предпринимается выделение и описание ряда синтаксических моделей, используемых исключительно или преимущественно в составе формул.

Во-первых, рассматривается реализующаяся исключительно в формулах постанова множ. ч. сказуемого при подлежащем, выраженном местоимением 1 л. ед. ч. с комитативным сочетанием (формулы типа *я с X-ом живы*, *я с X-ом обретаема* с *живыми*, *я с X-ом здоровы*). Современная литературная норма жестко регламентирует

⁵ Демин А. С. Русские письмовники XV-XVII вв. (к вопросу о русской эпистолярной культуре). Автореф. ... канд. филол. наук. Л., 1964; Демин А. С. Вопросы изучения русских письмовников XV-XVII вв. (из истории взаимодействия литературы и документальной письменности) // ТОДРЛ. Т. XX. М.-Л., 1964. С. 92-99; Панкратова Н. П. Из истории частной переписки на Руси // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 127-155.

⁶ Об Азбуковниках см.: Маркс Н. А. К азбуке конца XVII в. из собрания А. И. Успенского, изданной Московским археологическим институтом. М., 1909; Маркс Н. А. Азбука-пропись XVII в. (с Александрийей). М., 1910; Маркс Н. А. Азбука-пропись времен царя Михаила Федоровича. М., 1911; Мордовцев Д. О русских школьных книгах XVII в. М., 1862; Колосов Л. Ф. Севернорусская деловая письменность XVII - XVIII вв. (Орфография, фонетика, морфология). М., 2000. С. 17; о «пописях учительных» читаем также в: Ремнева М. Л. Пути развития русского литературного языка XI-XVII вв. М., 2003. С. 272.

⁷ Живов В. М. Унификация форм склонения существительных в косвенных падежах множественного числа в памятниках XVII в.: характер вариативности и обуславливающие ее факторы // Исследования по славянскому историческому языкознанию. М., 1993. С. 93-110; Живов В. М. Деловой язык средневековой Руси и синтаксис берестяных грамот // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения: Материалы международной конференции. Великий Новгород, 24 - 27 сентября 2001 г. М., 2003. С. 284-295; Живов В. М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII-XVIII вв. М., 2004. С. 52-53; Кручинина И. Н. Элементы разговорного синтаксиса в произведениях эпистолярного жанра // Синтаксис и стилистика. М., 1976. С. 24-43; Казеко Т. Н. Разговорная речь и бытовые письма // Вопросы стилистики. Вып. 23. Саратов, 1984. С. 97-112.

⁸ Об этом см.: Ярин А. Я. Некнижные синтаксические конструкции в бытовых документах второй половины XVIII века (явления, участвующие в организации актуального членения) // Доклады международной конференции Диалог 2003. (<http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Jarin.pdf>).

согласование с подлежащими типа *я с X-ом*, предписывая постановку сказуемого в ед. ч. В то же время согласование сказуемого с указанным типом подлежащего по множ. ч. - одна из детских речевых ошибок.⁹ Появление такого рода примеров следует связывать с задействованием механизма семантического (смыслового) согласования, когда в сказуемом отражается реальное количество участников ситуации, а правила формально-грамматического согласования игнорируются.

Во втором параграфе обсуждаются формульные образования типа *я живы, я челом бьем, X челом бьем/бьют*. В контекстах указанного типа подлежащее - одиночное местоимение или несобирательное существительное в форме ед. ч. - присоединяет форму сказуемого во множ. ч. Таких примеров в общей сложности пять, то есть по отношению к объему выборки их количество очень невелико. Высказывается предположение, согласно которому формы ед. ч. в указанных контекстах используются для передачи значения ассоциативной множественности (*я - я и моя семья*), то есть субъект, выраженный в подлежащем, является представителем группы лиц. Приводятся примеры, замеченные В. Н. Богдановым в талицком говоре (*Павлик выпускали газеты, писали боевые листки; Гоша приехали!*).¹⁰ Ученый предлагал ввести так называемую «категорию представительности», реализующуюся в цитированных контекстах. Из преобладания элевых глагольных форм в своем материале В. Н. Богданов сделал вывод, что в данной конструкции формы перфекта были «исторически основными». В качестве подтверждения своей гипотезы автор приводил примеры типа *вдалеке Варламе* из «Вкладной грамоты Варлаама Хутынского», возникновение которых, как известно, следует связывать с эффектом графического смещения в паре *ь - е*;¹¹ формы типа *вдалеке* не могут рассцениваться как формы множ. ч. Таким образом, наличие в ранних памятниках образований указанного типа сомнительно, другими словами, образования, наблюдаемые в грамотках, не находят подтвержденных исторических соответствий; возникновение таких контекстов, как *и я геньваря по ЕІ де <> до воли божии живы* (I, 222)¹² или *по сем писавыи я Марка Вымьдонскои вам челомъ бьемъ* (I, 93) вызвано наличием соотносительных вариантов формул типа *и я з женою ноября въ ІІІ де <> живы* (II, 156) и *Лаврентишко Аничьков з женишником и з дѣтишками челомъ бьем* (I, 88), в которых при так называемом «сложном подлежащем» *я с X-ом* видим сказуемое во множ. ч.

Третий параграф посвящен рассмотрению особенностей реализации двусоставного предложения с несогласованными главными членами в формуле типа *X здорово*. Анализируется, во-первых, специфика памятников, в которых наблюдались образования такого рода, во-вторых, мнения исследователей относительно их возникновения. Исходя из круга памятников, в которых найдены примеры употребления предложений исследуемого типа (берестяные грамоты; сборники пословиц XVII в., бытовые письма XVII в., «Домострой») делается вывод, согласно которому образования *я здорово, дом цело* были свойственны прежде всего устно-разговорной речи, то есть могли проникать в тексты, способные отражать явления разговорного синтаксиса наиболее непосредственно. В материалах по современной устной речи исследователи также находят образования, сходные с рассматриваемыми (*математика тяжело, дождь не страшно, каша хорошо*).¹³ Таким образом, объяснение В. И. Чирнышева, согласно которому «неестественные» структуры типа *грѣхъ сладко* возникли под воздействием иноязычного, греческого

⁹ см. Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение. СПб., 1997. С. 103.

¹⁰ Богданов В. Н. Особый случай диалектного согласования сказуемого с подлежащим по смыслу и категория представительности // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. №4. М., 1968. С. 68-75.

¹¹ см. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 21-22, 374-377.

¹² Ссылки производятся с указанием условного номера и страницы источника, список источников прилагается.

¹³ См., например: Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990.

влияния, признается неприемлемым.¹⁴ Высказывается предположение, согласно которому предложения рассматриваемого синтаксического типа можно считать относительно устойчивым инвариантом, входящим в фонд устно-разговорных конструкций.

В четвертом параграфе анализируется формула зачина *буди государь мои здорово*. Возникновение указанного вида формулы связывается с влиянием рассмотренных образований *Х здорово*, и расплывчатыми частеречными признаками формы *здорово*.

В пятом параграфе рассматриваются стандартные прилагательные употребления лексемы *здорово* типа *пришли дал бог здорово*, *поехал дал бог здорово*, *приволокся дал бог здорово*, *доехал здорово*, *приняли здорово*, *привезли здорово* и проч.

Шестой параграф посвящен формуле челобитья, выделяются как стандартные формулы зачина и концовки, в которых употребляется сочетание *бить челом*, так и стабильные неформульные контексты, в которых сочетание демонстрирует многообразие значений: сочетания *бить челом на чем*, *бить челом за что*, *бить челом, что ...* употребляются в значении «благодарить»; сочетания *бить челом о чем*, *бить челом за кого*, *бить челом, чтоб ...* - в значении «спросить»; *бить челом чем*, *бить челом что* - в значении «преподносить», ср.: *а я убога тебѣ ж гсдрь ис своего убогова прудишка челом бью пятьдесят карасей* (III, 11); сочетание *бить челом на кого* - в значении «жаловаться»; *бить челом кому* - в значении «обращаться к властям». Рассматриваются контексты, возникшие в результате контаминации различных моделей образования оборотов с сочетанием *бить челом*, например: *челом гсдрь бью за твоим жалованье на выжницах* (III, 86).

Кроме того, исследуются примеры, в которых сказуемое, выраженное данным сочетанием, принимало форму 1 лица при подлежащем, выраженном существительным, например: *Афонка Зыков челом бую* (I, 25). В таком случае между подлежащим и сказуемым усматривается рассогласование в значении лица. Учитывается, что такого рода образования и в рамках нашей выборки, и в контекстах, приводимых исследователями,¹⁵ фиксируются исключительно в составе стабильных формул зачина и концовки, содержащих челобитие. Производится попытка найти объяснение рассматриваемого явления. Так, анализируются наиболее ранние из доступных нам эпистолярных текстов - берестяные грамоты; в них наблюдается четкое соответствие значений «лица» подлежащего и лица сказуемого в контекстах, содержащих выражение *бить челом*. Затем приводятся традиционные зачины текстов, относящихся к деловой письменности (купчих, сговорных записей, духовных грамот, поручных записей), в которых подлежащие - местоимения сопровождаются приложениями, ср.: *се яз Михайло Лоукоянов снѣ Васильчиков продам есми двор свои* (IV, 182). Делается вывод, что возникновение контекстов типа *Х челом бую* могло быть вызвано преобразованием формулы *се язъ Х челомъ бую*, а ведущую роль в сохранении потерявшей грамматическую мотивированность формы сказуемого сыграла консервативность формуляра.

В седьмом параграфе рассматривается фрагмент одной из формул зачина *здравствуи государь со всеми любящими Х*. В грамотках встречаются примеры, в которых причастие *любящими* управляет вин. п. (19 контекстов) и род. п. (1 контекст), ср.: *многолѣтно гсдрь и благополучно здравствуи о гсдѣ со всеми любящими млость твою* (III, 101), *здравие вшей млсти да соблюдетъ, млостивыи творецъ купно с любящими твоего*

¹⁴ Чернышев В. И. О нарушении согласования в русском языке // В. И. Чернышев. Избранные труды. Т. 1. М., 1970. Ученый цитирует выдержки из Грамматики М. Смотрицкого 1619 г. и Письмовника Н. Курганова, ср.: «Еллинизм есть сочинение по свойству Еллинского языка, когда мужскому или женскому существительному следует прилагательное среднего...» (С. 197 указ. соч.).

¹⁵ См. Котков С. И., Попова З. Д. Очерки по синтаксису южновеликорусской письменности XVII в. М., 1986. С. 78-81, Тарабасова Н. И. Об одном фразеологизме в частной переписке XVII в. // Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963. С. 147.

дома (I, 29), или формирует атрибутивное сочетание, то есть субстантивируется: *здравствуи гсдрь но многие впрעד идущие лѣта и со всеми любящими твоими* (II, 162).

Наиболее важно, что в выборке замечено также 18 примеров, в которых данное действительное причастие присоединяет форму твор. п., например: *здравствуи гсударь мои батюшко Иван Михайлович на множество лѣт купно и со всеми любещими тобою* (I, 62), *здравствуйте на множество лѣтъ с любящими вами* (I, 173). Высказывается предположение, согласно которому в рассматриваемых контекстах с твор. п. причастие включено в модель образования страдательной конструкции. Затем выясняются обстоятельства, предопределившие такое употребление. Прежде всего, рассматривается продуктивность и особенности употребления местоименных причастий в грамотках. С помощью словоуказателя к «Грамоткам XVII – начала XVIII в.»¹⁶ выделяются употребления действительных и страдательных причастий настоящего времени, действительных и страдательных причастий прошедшего времени в 528 грамотках. По результатам рассмотрения аккумулируются в том числе следующие сведения: местоименная форма страдательного причастия настоящего времени малоупотребительна; употребление этой формы предсказуемо наблюдается в грамотках, авторы которых демонстрируют приверженность к употреблению книжных языковых элементов; среди употреблений преобладают адъективированные формы; было найдено лишь четыре контекста, в которых страдательные причастия настоящего времени принимают участие в формировании пассивной конструкции, присоединяя формы твор. п. Особенно важно, что наличествуют контексты *подаи гсди тебѣ гсдрю многолѣтное здореве со всѣми твоими любящими тобою и любящая тя* (I, 103) и *здравъ буди еже о гсдѣ со всѣмъ твоимъ гсдря моего праведнымъ домомъ и со всѣми любящими и одержимыми тобою гсдремъ моимъ* (I, 158), в которых в рамках одной конструкции не только сочиняются действительное и страдательное причастия (*любящими и одержимыми тобою*), но действительное причастие демонстрирует способность управлять вин. п. и присоединять твор. п. (*со всеми твоими любящими тобою и любящая тя*).

Рассмотрение материала подтвердило, что страдательное причастие настоящего времени на -м - книжная, редкая форма.¹⁷ Чрезвычайно редки случаи, в которых такие причастия формируют страдательную конструкцию. Таким образом, можно сказать, что авторы, имея дело с формулой, использовали форму действительного причастия *любящими* в контекстах *здравствуи ... с любящими тобою* «автоматически» (ориентируясь варианты *здравствуи с любящими тебѣ/ с любящими твоими*), не обращаясь к анализу синтаксической модели, что опосредованно вызвано и малоупотребительностью причастий на -м-, и редкостью использования форм страдательных причастий в пассивных конструкциях.

Восьмой параграф посвящен анализу формулы концовки типа *писавыи X челом бьет*, в частности, рассматриваются причины возникновения сочетаний типа *писавыи дочеришка твоя челом бьет*. В выборке не замечено ни одного примера грамматически корректного согласования в составе данной формулы в тех случаях, когда адресантами выступали лица женского пола, то есть наблюдается регулярное рассогласование по роду в составе атрибутивного сочетания типа *писавыи сестра твоя*. Высказывается версия того, какие причины привели к появлению такого рода примеров. Трудно предположить, что пишущие неуверенно конструировали формы словозменения местоименных

¹⁶ Грамотки XVII – начала XVIII в. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова. М., 1969. (I).

¹⁷ Об этом см., например: Данков В. Н. Историческая грамматика русского языка. Выражение залоговых отношений у глагола. М., 1981. С. 17-23, Крысько В. Б. Исторический синтаксис русского языка: объект и переходность. М., 2006. С. 421, Колесов В. В. История русского языка. М. – СПб., 2005. С. 576.

причастий, несмотря на то, что такие причастия в грамотках редки.¹⁸ Скорее, появлени муж. рода адъектива при существительном жен. рода может быть вызвано применением стратегии, согласно которой пишущие воспроизводили формулу целиком, не обращаясь к анализу ее компонентов. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что образцовые тексты из «пописей учительных» «адресованы» исключительно лицам мужского пола.

В девятом параграфе рассматривается оборот с прямообъектным номинативом в составе адресной формулы типа *отдать ся грамотка Х-у*.¹⁹ Анализируется связь между стабильностью лексического состава формулы и употреблением номинатива либо аккузатива прямого объекта. Кроме того, рассматриваются примеры употребления оборота в неформальных разделах грамоток, в том числе примеры с участием в конструкции не имен на -а, ср.: *и тебѣ б на тѣ денги купит ... печат казенная* (XI, 273), *как ему Александру Севастьяновичу почесть учинит нарочитая* (XI, 278). Обсуждаются и примеры употребления им. п. прямого объекта при злевой форме глагола, ср.: *и се грамотка послал* (I, 98), *мука и крупы с миру збирали* (II, 207).

Обсуждаются примеры употребления рассогласованных в падеже форм адъективов (определений) или имен (приложений) в составе рассматриваемых оборотов, такие, как: *и как к тебѣ Мишка ся грамотку принесет о том ево роспроси* (XI, 258), *а мат своя Ульяну Ивану кормит да ее живота*.²⁰ Рассматривается предположение, согласно которому привычка к употреблению стандартных формул приводила к определенным изменениям, накладываемым на языковую компетенцию авторов знанием о том, как именно следует употреблять ту или иную лексему или воспроизводимое сочетание. Другими словами, используя распространенную адресную формулу *отдать ся грамотка*, авторы приобретали «привычку» к употреблению сочетания *ся грамотка* в им. п. в контекстах, предполагающих включение данного сочетания в состав оборотов с переходными глаголами, управляющими падежами с объектным значением.

В десятом параграфе обсуждается свойственная устно-разговорному синтаксису конструкция с «именительным перечисления», а в одиннадцатом - употребление им. п. в сочетаниях однопадежных субстантивов, или группах уточняющих членов предложения, которые формально не уподоблены уточняемым членам и принимаются контекстно независимую форму номинатива.²¹ Кроме того, критически комментируется ряд контекстов с им. п., приведенных в докладе А. Я. Ярина о «некнижных синтаксических конструкциях».²²

Двенадцатый параграф представляет собой выводы ко второй главе. Приводится обобщение относительно моделей с отсутствием формально-грамматического

¹⁸ Так, Л. А. Рощенко, С. И. Котков и З. Д. Попова не включают причастие в состав атрибутивных распространителей имени, см.: Рощенко Л. А. Структурные особенности неоднородных согласованных определений в русском народно-разговорном языке XVII - начала XVIII в. // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1981. С. 91-99, Котков С. И., Попова З. Д. Очерки по синтаксису южновеликорусской письменности XVII в. М., 1986. С. 140.

¹⁹ В выборке зафиксировано 79 примеров употребления адресной формулы с прямообъектным номинативом.

²⁰ Пример приведен в: Котков С. И., Попова З. Д. Очерки по синтаксису южновеликорусской письменности XVII века. М., 1986. С. 101.

²¹ См., например: Савальева Л. В. Паратаксистические субстантивные словосочетания в древнерусском языке XIV-XVII вв.: Автореф. дисс... канд. филол. наук, Л., 1963, Красильникова Е. В. Конструкции с удвоением в русской разговорной речи // Русский язык в школе. № 5. 1971. С. 80-82, Котков С. И., Попова З. Д. Очерки по синтаксису южновеликорусской письменности. М., 1986. С. 144.

²² См. Ярин А. Я. Некнижные синтаксические конструкции в бытовых документах второй половины XVIII века (явления, участвующие в организации актуального членения) // Доклады международной конференции Диалог 2003. (<http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Jarin.pdf>). В частности, в примере *и мов брат жениха моего дарил шесть пуд серебра старинные великие кубки и флаши золоченые*, по видимому, следует усматривать не «управляемый им п. при глаголе», а употребление двух аккузативов при глаголе передачи (типа *дарить кого что*), об этой модели управления см. Крысько В. Б. Исторический синтаксис русского языка: объект и переходность. М., 2006. С. 340-341.

согласования между теми членами предложений, для которых такое согласование в стандартном случае предусматривается (т. е. между подлежащим и сказуемым, определяемым словом и определением). Такие модели, за немногими исключениями, наблюдающиеся лишь в составе формул, в рамках письменного текста все же следует считать непродуктивными; важно, что именно воспроизводимый состав формул обеспечивает применимость данных изолированных синтаксических образований. Указывается, что одним из основных направлений преобразования в структуре предложения исследователи исторического синтаксиса называли «усиление синтаксических связей между словами», считая, что в ходе развития «становится более крепкой грамматическая спаянность между членами предложения».²³ В том числе постепенно уменьшается применимость моделей семантического согласования, влияние формально-грамматических механизмов согласования нарастает.²⁴ Таким образом, закономерно, что историческая судьба рассматриваемых моделей состоит в вытеснении их из нормализованного письменного языка.

Третья глава «Деформации в текстах грамоток» посвящена рассмотрению набора фактов, отражающих разного рода искажения целостности словоформ в грамотках. В основном рассматриваются деформации конца слова, так как именно такие виды деформаций затрагивают словоизменительные аффиксы, в которых сконцентрирована грамматическая информация.

В первом параграфе производится обсуждение применимости подхода, согласно которому явления, в лучшем случае относимые к области истории письма, могут и должны быть подвергнуты собственно лингвистической интерпретации. В частности, подробно обсуждается статья В. М. Маркова под названием «Так в рукописи»,²⁵ призывающая к анализу разного рода необычных написаний (таких, как пропуски и удвоения согласных и слогов, «слияние» предлогов со словами). Для нас наиболее важен общий пафос статьи В. М. Маркова, указывающего на «несомненную научную значимость» фактов, которые часто принимаются за не заслуживающие внимания опуски, так как именно такие написания позволяют обнаружить явления, которые невозможно обнаружить, имея дело с правильным, «орфографическим» письмом.

Во втором параграфе формулируются общие приемы письма, отличающие скоропись (такие, как свобода в начертании букв, употребление связных написаний и относительно многочисленные сокращения), обсуждается история возникновения скорописи.

В третьем параграфе анализируется употребительный в скорописи прием, позволяющий сделать текст более компактным, а именно применение выносных написаний. Обсуждаются правила выноса графем, эволюция выносных написаний (по направлению к XVII в. расширяется набор способов вынесения, увеличивается частота

²³ См. Спринчак Я. А. Очерк русского исторического синтаксиса (простое предложение). Киев, 1960. С. 238; см. также Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. М., 1977. С. 97.

²⁴ См. Георгиева В. Л. История синтаксических явлений русского языка. М., 1968. С. 48, Глинкина Л. А. Подлежащее // Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. М., 1978. С. 35, Дегтярев В. И. Особенности согласования сказуемого с подлежащим – именем собирательным в древнерусском языке // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. №3(35). М., 1966. С. 138, Дегтярев В. И. Диахроническая грамматика русского языка. Древнерусские имена собирательные в сравнительно-историческом изложении. Ростов-на-Дону, 2007. С. 162. Можно указать на ряд явлений, в которых реализуется обратное направление развития, например, на согласование с диминутивами и аугментативами, которые на более ранних этапах реализовали формально-грамматическое согласование, а затем перешли к семантической модели (*женишко мое > моя женишка*); такой же процесс наблюдается и в отношении существительных типа *вовода*, *сирота*, согласование с которыми первоначально оформлялось в соответствии с их типом склонения, а не с родом (*сирота ваша Ивашка, со своего воеводою*) (см., например, Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999. С. 116).

²⁵ Марков В. М. Так в рукописи // Марков В. М. Избранные работы по русскому языку. Казань, 2001. С. 173-184.

применения выносных написаний, у некоторых выносных букв исчезают покрытия).²⁶ Указывается, что учет правил выноса букв и буквосочетаний в контексте предлагаемой работы важен, так как именно выносные графемы могли пропускаться, не дописываться.²⁷ Резюмируется информация относительно наиболее регулярных приемов употребления выносных написаний, указывается, что выносились прежде всего согласные перед согласными и согласные в конце слов.²⁸

Четвертый параграф посвящен обзору приемов сокращения текста, при которых графемы не выносились, а удалялись. Это так называемая «контракция» (титловые сокращения типа *агды*), «усушения» (сокращение путем отсечения окончания) и «сигла» (сокращение, при котором писалась только начальная буква слова).²⁹ Указывается, что в предлагаемой работе будет рассматриваться «усушения», причем данный тип сокращения будет назван «аффиксальным» и «сигла», причем этот тип сокращения будет назван «инициальным». Кроме того, в грамотках будут выделены «слоговые» сокращения (тип сокращения, при котором пишется только начальный слог словоформы), а «инициальные» будут разделены на «графически маркированные» и «графически немаркированные». Наконец, формируются задачи, которые предполагается решить в третьей главе. Это – выявление закономерностей применения разного рода сокращений. В частности, рассмотрение того, во всех ли возможных грамматических формах, предоставляющих условия для сокращения, сокращения употребимы. Другими словами, выяснение, существуют ли ограничения грамматического порядка на применение тех или иных графических приемов. В случае с аффиксальными сокращениями – выделение грамматически мотивированных случаев недописывания слов.

В пятом параграфе рассматривается наиболее применимый регулярный вид графического сокращения, а именно пропуск конечного *j*. В выборке зафиксировано 210 примеров такого сокращения. После рассмотрения набора грамматических форм, в которых есть условия для такой деформации (форма им. п. ед. ч. имен собственных муж. рода типа *Аверке* <>, *Сергеи* <>, *Андре* <>; форма род. п. множ. ч. существительных на **-jo* и **-i* типа *сухаре* <>; форма им. - вин. п. ед. ч. муж. рода адъективов типа *милостины* <>, *писавы* <>, *убоги* <>, *в новы* <>, *в девяти* <>; форма род. п. ед. ч. жен. рода адъективов *подмосковно* <>, *ново* <>; форма дат. п. ед. ч. жен. рода адъективов типа *млсти твое* <>; форма местн. п. ед. ч. жен. рода адъективов типа *при тако* <> *мои ... беде*; форма 2 лица ед. ч. императива типа *пожалу* <>, *здравствуй* <>, *помилуй* <>) ограничений на применения сокращения выявлено не было. Кроме того, было выяснено, что данное сокращение применяется преимущественно к формам им. п. ед. ч. муж. рода адъективов типа *мо* <>, *тво* <>, *млсрды* <> (91 пример, 43.3% от общего количества примеров) и к формам императива типа *пожалу* <> (60 примеров, 28.6% от общего количества примеров).

Шестой параграф посвящен рассмотрению примеров с пропуском конечной графемы *-т*. В ряд примеров, где пропуск бесспорен, помещено девять примеров с отсутствием *-т* в инфинитиве типа *буду би* <>, *сиде* <> *не хотят*, *повелено взя* <>, *велел*

²⁶ См., например: Тихомиров М. Н., Муравьев А. В. Русская палеография. М., 1982 С. 28, Творогов О. В. О выносных буквах в русских рукописях XV-XVII вв. // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 166, Пирко В. А. Русская палеография. Киев, 1991. С. 31.

²⁷ См. Панкратова Н. П. Из наблюдений над ошибками и описками в материалах частной переписки конца XVII – начала XVIII в. // Лингвистическое источниковедение. М., 1963. С. 58.

²⁸ См. Осипов Б. И. История русской орфографии и пунктуации. Новосибирск, 1992. С. 166, Голубева А. С. Об особенностях употребления выносных букв в «Тобольском лечебнике XVII века» // Скоропись XVIII – начала XIX века на Южном Урале и в Зауралье: лингвистика текста. Челябинск, 2008. С. 78-80, Мясникова О. Н. Русская палеография. Учебное пособие. Волгоград, 2006, Шульгина Э. В. Русская книжная скоропись XV в. СПб., 2000. С. 76-79.

²⁹ См. Тихомиров М. Н., Муравьев А. В. Русская палеография. М., 1982. С. 29, Жаронкин В. Н., Фрибус А. В. Русская палеография. Учебное пособие. Кемерово, 2007. С. 22, Айплатов Г. Н., Иванов А. Г. Русская палеография. Учебное пособие. Йошкар-Ола, 2003. С. 13, Николаева А. Т. Русская палеография. Учебное пособие. М., 1980. С. 39.

поби<>. Рассматриваются случаи, в которых вопрос восстановления полного вида деформированной словоформы не имеет однозначного решения; учитываются показатели контекста, оказывающие поддержку форме инфинитива. Учитываются примеры деформаций числительных, ср.: *двацца*<>, *пя*<>, *семидеся*<>. Кроме того, упоминается явление недописывания *-т* в предлоге, вероятно, связанное с существованием традиционного лигатурного написания предлога *шт* и единичный пример недописывания существительного *поосеели* [так в ркп.] ... *четвер*<> *семя канопнава* [так в ркп.] (II, 239). Делается вывод, согласно которому пропуск *-т* нельзя назвать употребительным видом графической деформации, но такой вид деформации может применяться к словоформам различных частей речи.

Подчеркивается, что произведенный анализ 15 замеченных примеров употребления форм 3 лица ед. и множ. числа настоящего-будущего времени типа *сказвае*<>, *прибе*<>, *говори*<>, *влодею*<> свидетельствует о том, что данные примеры возникли именно в результате недописывания конечной согласной *-т*.

В седьмом параграфе анализируются примеры, содержащие пропуск конечной графемы *-м*. Отмечается, что выборка содержит исключительно пропуск *-м* в составе словоизменительных аффиксов: даже в однородных по происхождению наречиях типа *летом* данная деформация не зафиксирована ни разу. Выделяются определенные позиции, в которых аффиксы существительных, адъективов и глаголов предоставляют возможность для сокращения данной конечной графемы (форма твор. п. ед. ч. существительных муж. и сред. рода, изменяющих по типу основ на *-*ǫ*, *-ǫ*, *-*i* типа *с братом*, *с боярином*, *с гостем* а также *с домом*, *с сыном*, *с камнем* и *с дочеришком*; форма дат. п. множ. ч. существительных всех типов основ; форма твор. п. ед. ч. адъективов муж. и сред. рода типа *с благодарным*, *с праведным*; форма местн. п. ед. ч. адъективов муж. и сред. рода типа *о своем*; форма дат. п. множ. ч. адъективов типа *милостивым*, *смирненным*, а также форма 1 лица ед. ч. нетематических глаголов типа *дам*, *ем*; форма 1 лица множ. ч. настоящего-будущего времени типа *просим*, *учим*; форма муж. рода ед. ч. именного страдательного причастия настоящего времени). Приводятся результаты рассмотрения примеров деформированных словоформ, согласно которым имеющиеся 27 примеров распределяются таким образом, что 13 контекстов приходится на форму твор. п. ед. ч. существительных и адъективов, причем количественно лидирует словоформа *чело*<> в составе сочетания *бить челом*; 9 контекстов - это форма дат. п. множ. ч. существительных и адъективов, причем более половины примеров - это деформации местоимений *ва*<> и *на*<>; 5 контекстов демонстрируют деформацию указанного типа в формах местн. п. ед. ч. адъективов типа *в прошло*<> *годе*. Отмечается, что в выборке нет ни одного примера, позволяющего предполагать наличие данного вида деформации в формах глагола. Таким образом, наблюдается четкая зависимость применимости деформации от частеречной отнесенности словоформы, в которой есть условия для ее применения.

Восьмой параграф посвящен анализу контекстов, содержащих пропуск конечной графемы *-х*. Таких примеров в выборке 11, преобладают формы род. и местн. п. ед. ч. адъективов типа *всакы*<> *людеи*, *твоих* *дене*<>, *в труги*<> *случахъ*. Комментируются многочисленные употребления род.-местн. п. двойств. числа *дву*; подчеркивается, что данные образования, принимая во внимание мнение ученых о длительном сохранении форм двойственного числа в составе дуального квантитатива,³⁰ не следует считать результатом графической деформации **дву<х>*.

В девятом параграфе ставится вопрос о разграничении графической и грамматической мотивации употребления сочетаний без предлогов в имеющихся материалах.

³⁰ См., например: Иорданский А. М. История двойственного числа в русском языке. Владимир, 1960. С. 75, Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (фонетика и морфология). М., 1963. С. 197, Историческая грамматика древнерусского языка. Т. IV. Числительные. [О. Ф. Жолобов]. М., 2006. С. 224.

Анализ сочетаний с предлогами затруднен, во-первых, принципиально иным характером пограничных сигналов, применяемых в скорописи для маркирования начала и конца слова, во-вторых, наличием графического приема устранения двойных написаний. Другими словами, словоразделов в большинстве грамоток нет, а в результате устранения графических дублетов возникают не только такие написания, как *вел<ел>*, *рабат<ат>*, но и написания типа *подводе* [по подводе], *нас* [на нас] и *собою* [с собою], в которых просматривается графическая аттракция предлога. Таким образом, необходима выработка алгоритма, позволяющего проверять надежность написаний без предлогов; наиболее сильно данная проблема затрагивает «однобуквенные» предлоги *в*, *к*, *с*.

В древнерусских памятниках для установления надежности примеров, относительно которых допустимо предположение об ассимиляции предлога, можно использовать такой критерий, как этимологически правильное употребление *ъ* и *ь*,³¹ что подразумевает регулярность написаний *ѣъ*, *къ* и *сѣ*. А в грамотках и иных старорусских деловых и бытовых памятниках еры употребляются в основном в качестве показателей конца слова, к тому же, принципы написаний сочетаний с предлогами свидетельствуют о том, что такие написания графически маркированы как единое фонетическое слово.³² В частности, на стыке слова и предлога применялись лигатурные написания, которые возможны только в пределах одного фонетического слова, а также выносные написания типа *навоеи* [выносная графема обозначена курсивом] и написания, отражающие ассимиляцию типа *збратом*, *сывашком*. Таким образом, именно предлог графически маркирован как начало фонетического слова; также важно учитывать, что предлог не выносился над строкой, так как графемы выносились в середине слова или особенно часто - в его конце.

В грамотках найдены достаточно многочисленные примеры беспредложных сочетаний, чье происхождение неясно. По большей части это контексты, в которых падежная форма употреблена в обстоятельственно-определятельном значении. В части контекстов есть условия для устранения двойных написаний.

Целью рассмотрения таких контекстов в настоящем исследовании являлась выработка и апробация методики, согласно которой можно было бы действовать в тех случаях, когда относительно определенного контекста стоит вопрос о том, употреблена ли в данном случае конструкция без предлога или контекст по той или иной причине был деформирован. Кратко изложить алгоритм анализа отобранных примеров можно следующим образом: 1. возможность употребления формы без предлога в определенном значении проверялась на основании данных предшествующих периодов языкового развития, 2. в том случае, если в старорусских текстах сохранялась хотя бы небольшая активность падежных форм без предлога в определенном значении, все примеры с употреблением форм соответствующего падежа в этом значении без условий для аттракции предлога признавались надежными, 3. затем на надежность проверялись примеры, в которых наличествовали условия для устранения графических дублетов. Для этого внимательно рассматривалась графика писем автора той грамотки, в которой употреблен ненадежный пример, 4. учитывались возможности, при которых предлог мог быть не написан не по графическим, а по сугубо фонетическим причинам. Так, в тех грамотках, где можно предполагать ненаписание предлога *в*, улавливались написания, отражающие переход *ѣ>у* в начале слова перед согласным.

Наиболее сложными для интерпретации оказались те примеры, которые после проверки графики признавались надежными, но по отношению к общей картине употребления форм падежа для выражения определенного значения в синхронном периоде XVII в. не находили подтверждения в материале других памятников. Кроме того,

³¹ См. Крысько В. Б. Исторический синтаксис русского языка: объект и переходность. М., 2006. С. 61.

³² См. Сморунова Е. М. О пограничных сигналах в скорописи (наблюдения над графикой смоленских грамот XVII в.) // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 176-191.

следует заметить, что в ходе работы специальное внимание уделялось рассмотрению формул, в составе которых наблюдается длительное сохранение архаичных беспредложных оборотов.

В десятом параграфе согласно алгоритму рассматриваются обороты с генитивом: аблативный родительный, родительный при достигательных глаголах, родительный разделительный; поднимается вопрос о наличии причинно-целевого родительного.

Относительно аблативного родительного получены следующие результаты: формы род. п. без предлога с обстоятельственным значением в значении исходного пункта перемещения в 10 из 11 замеченных случаях содержат условия для графической аттракции предлога и признаются ненадежными (ср.: *приехал службы, ушел службы, бог понесет службы домой; сежжали стругов* и др.). Такие примеры решено считать результатом графических преобразований.

Собственно беспредложный аблативный род. п. найден в контексте, где условия для устранения двойных написаний имеются: *тисал отходя сего свѣту* (IV, 15). Тем не менее, предпочитается именно трактовка формы *сего свѣту* как беспредложного оборота в силу того, что данный контекст является стандартной формулой, употреблявшейся в трафарете духовных грамот.

Кроме того, дважды аблативный род. п. употребляется при удалительных глаголах с отрицанием: *и вели отпустит их не помешкав чтобы имь орженова сеу не отстат* (II, 93), *пришли еже рекль еси винца в Карачев ... чтоб мнѣ ожидая от тебя мсти к Москве товарищев не отстат* (II, 96). Также зафиксировано употребление генитива при глаголе *убережи*: *чают убережи льду авос бгъ и помилует* (I, 209). При рассмотрении данных форм учитывается то обстоятельство, что сохранение активности аблативного родительного при удалительных глаголах в среднерусский период является признанным фактом.³³

Беспредложный родительный при достигательных глаголах также фигурирует в исследованиях по синтаксису памятников XVII в.³⁴ В перечне примеров, приводимых исследователями, достигательные глаголы представлены приставочными образованиями с *до-*. В то время как один из двух примеров, замеченных в грамотках, демонстрирует генитив при бесприставочном глаголе: *дошел Печатного двора* (XI, 252), но *шел двора не один караул стрелцов* (XI, 252).

Выделение формы причинно-целевого родительного в контексте *пришли ко мнѣ варю винца нужды мои великои для того что брат у меня Василие изволением божием переставился* (II, 138) признается нежелательным, несмотря на высказывание О. М. Трахтенберг о наличии формы с подобных значением в памятниках XVII в. Предлагается мнение, согласно которому наблюдаемая структура обусловлена порядком слов, при котором предлог (исторически - послелог) для все еще не полностью закреплен в препозиции к управляемому имени; таким образом, предлог в данном контексте управляет атрибутивным сочетанием в левом контексте и местоимением - в правом.

³³ См., например: Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк. М., 1952. С. 270, Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956. С. 262, Трахтенберг О. М. Родительный падеж и особенности его употребления в глагольных конструкциях исторической повести начала XVII века // Учен. зап. Стерлитамакского гос. пед. ин-та. Вып. VIII. Серия филологическая. Стерлитамак, 1962. С. 61, Ломов А. М. Глагольные конструкции с зависимым членом в функции объекта (на материале южновеликорусских памятников XVII века). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1966. В. Б. Крысько указывает, что такой род. п. активно вытеснился предложно-падежным сочетанием *от + род. п.* и в значительной степени лексикализовался, см. Крысько В. Б. Исторический синтаксис русского языка: объект и переходность. М., 2006. С. 239, 241.

³⁴ Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 2007. С. 430, Попова З. Д. Употребление падежей // Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. М., 1978. С. 366, Трахтенберг О. М. Родительный падеж и особенности его употребления в глагольных конструкциях исторической повести начала XVII века // Учен. зап. Стерлитамакского гос. пед. ин-та. Вып. VIII. Серия филологическая. Стерлитамак, 1962. С. 64.

На основании трех примеров употребления разделительного генитива делается вывод о том, такой род п. для памятников XVII в. все же нельзя считать полностью неактивной формой.

Одиннадцатый параграф посвящен анализу форм дательного направления, дательного причины и цели, временного дательного и дательного дистрибутивного.

Прежде всего, рассматриваются два однородных примера *пад подножию твоему много челом бью* (II, 83) и (2) *пад подножию твоему Ульяно Ковѣзин челом бьет* (II, 83). Делается вывод, согласно которому указанные контексты являются реализацией одного из малоупотребительных вариантов формулы концовки, проникших в грамотки через посредничество Письмовников или Азбуковников, в том числе приводится следующий пример из Азбуковника XVII в.: *Тебе, государю, припадая и Бога моля, челом бьет. Обнадежася, государь, на твою великую милость, Его ради дерзнул явити свою бедность, К твоим честности сие написати, Чтобы тебе, государь мой, на нас нищих милость свою излити.*³⁵ Делается вывод, что формула, на протяжении длительного времени бытующая в составе определенного письменного жанра, сохраняет в своем составе архаичную беспредложную конструкцию.

Отсутствие предлога в контекстах *толка б вмѣста понятых книгам рука приложит* (II, 101), *свѣщенникъ вмѣста дву члвкъ крестьян книгам руку приложит* (II, 101) объясняется через устранение двойного написания с предлогом к, так как автор грамотки, из которой извлечены данные примеры, неоднократно демонстрирует стремление к устранению двойных написаний на стыке предлога и последующего слова: *отпусти его* [священника] *в город <> стрелцом* [с стрелцом], *поднои строке* [по одной строке] (II, 101).

Примеры *в онбары хлѣбъ усматревою где пристойно б было поближе груске* (I, 253) и *на чебоксарскую пристан три судна пришли маяя въ первое число и убравъ суды груске и зделоли трубы и почели хлѣбъ грузит* (I, 261) рассматриваются на фоне мнений исследователей относительно активности форм дательного причины и цели. В частности, приводится критика примера из «Стоглава» *гнѣвъ бжии есть, посылается от руки бжия на тѣхъ, иже ходят накриве ротѣ*.³⁶ Анализ контекстов *ходити ротѣ* и *пояти женѣ*, приводимый В. Н. Топоровым,³⁷ заставляет говорить о признании форм *ротѣ*, *женѣ* формами датива с большой долей неуверенности: исследователь приводит аргументы, позволяющие видеть в указанных контекстах не беспредложный датив, а локатив. Таким образом, делается вывод, согласно которому употребление беспредложного датива с целевым значением памятниках старорусского языка в целом несвойственно, следовательно, принятие графической мотивации возникновения рассматриваемого контекста (*з груске > груске*) более предпочтительно.

Наличие временного датива в памятниках русского языка может подвергаться сомнению уже на основании уникальности примера, иллюстрирующего данное значение. Пример из Синодального списка Новгородской I летописи *такъ бо Мефодии глаголетъ, яко скончанию врѣмень явитися тѣмъ, яже загна Геденъ, и попленья всю землю*³⁸

³⁵ См. Мордовцев Д. О русских школьных книгах XVII в. М., 1862. С. 71.

³⁶ См. Правдин А. Б. Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках // Учен. зап. ин-та славяноведения. Т. XIII. М., 1956. С. 21.

³⁷ Топоров В. Н. Локатив в славянских языках. М., 1961. С. 27-30, 34.

³⁸ Данный пример цитируется в следующих работах: Истрина Е. С. Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи. Пг., 1923. С. 126, Правдин А. Б. Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках // Учен. зап. ин-та славяноведения. Т. XIII. М., 1956. С. 23, Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956. С. 242.

можно назвать «грамматическим гапаксом». Таким образом, в данной работе предпочитается графическое объяснение возникновения примера *какому числу к Москве быт* (II, 125).

Правомерным признается объяснение контекста *а под подчту* [так в ркп.] *подвод спрашивают з дыму подводе* (II, 27) через устранение графического дублета (<по>подводе).

В двенадцатом параграфе исследуются обороты с аккузативом, а именно винительный цели движения, винительный момента, а также винительный цены и несколько примеров употребления объектного вин. п.

После рассмотрения графики грамоток, в которых предположительно употреблена указанная разновидность пространственного аккузатива, относительно достоверными признаются такие примеры, как *пожалуй гсдрь возми грамотки советные от Федора Алексѣвича Головина Свяжжскъ* (I, 224), *а нам сиротам твоим възят хлѣба негде у нас во Ржевском уезде ржи и купит не добыть а хотя гсдрь кто где и добѣца купит и тои ржи на гсдря не примут въсе костер* (II, 199), *от вашей благоданые трапезы приволюкся к себѣ домишка и обрадовас вашему к себе млсрдною <>* (III, 114), а также содержащий условия для устранения графических дублетов контекст *да прощу твоего жалования пожалуй облехъчис к Николаю чудотворцу обѣдни слушат а ко мне убогая домишка хлѣба кушат* (I, 316). Отмечается, что, ориентируясь, в частности, на мнение В. Б. Крысько, который относит исчезновение указанной формы к XIII в.,³⁹ можно признать даже графически надежные примеры случайными.

Из числа контекстов, позволяющих предполагать употребление оборотов с винительным момента, 21 пример из 24 был признан надежным. В том числе выделялись типичные контексты, в которые встраивался такой аккузатив (*месяца X день, месяца X число, ср.: и я марта пятое на десѣт число <> живыми* [так в ркп.] *обретаемъ* (I, 26)); см. также: *указано стать Троицынъ день* (II, 91), *отпиши гсдрь пожалуй в доходе ли тушечки до млсти гсдрь твои и каюс что и послал эжимним путем сослат боло и нне гсдрь посланы первые ндли великог<> поста* (I, 246).

Комментируется употребление винительного цены: *пути* [так к ркп.] *мнѣ две лошади кобылу да мерина одну три рубли а другою два рубли* (II, 82) и некоторые примеры употребления объектного вин. п.. Скажем, указывается, что управление аккузативом для глагола *надеяться* в контексте *надѣяс твою млсть дерзнул писать* (III, 74) не является аномальным и подтверждается многочисленными примерами из памятников, в том числе памятников XVIII в. В то время как при анализе ряда написаний из писем автора, употребившего форму *нас* в контексте *явит помилует еѣ бгъ что она нас гсдрни неизреченную млсть явить* (I, 236) был сделан вывод о применении приема устранения двойных написаний (<на> нас). В комментарии к контексту *а Семена Игнатѣва не покручиня что он к тебѣ на службу не приехал* (IV, 20) в первую очередь были приведены выводы В. Б. Крысько относительно сочетаемости возвратных глаголов с аккузативом,⁴⁰ в том числе выводы относительно «семантики объективности», присущей конструкциям с общевозвратными глаголами. Кроме того, отмечалось, что наличие в деловых и бытовых текстах XVI-XVII вв. специфической формы для выражения «объекта враждебного действия» (*поносить на X-а, извещать на X-а, греховать на X-а, оболгать на X-а, говорить на X-а*) должно было препятствовать употреблению беспредложного аккузатива в конструкциях, передающих значение «враждебного действия».

³⁹ Крысько В. Б. Исторический синтаксис русского языка: объект и переходность. М., 2006. С. 63.

⁴⁰ См. там же.

В тринадцатом параграфе анализируются обороты с инструментализмом, а именно творительный одушевленного орудия и творительный комитативный. В результате выделено девять надежных примеров употребления творительного одушевленного орудия, семь типа *послать что кем*, два - типа *разыскать кем*, ср.: *посла<> тебѣ сестра твоя Матрена хальстину петнацат аршинъ Федота Дмитриевича человекам* (II, 146), *приказывалъ ... три рубли днгъ прислат ко мне Иваном Коломниным* (II, 113).

Анализ 56 контекстов, в которых предполагалось наличие беспредложного творительного комитативного, не позволил выделить такую форму в материалах грамоток, так как 54 примера были объяснены через применение приема устранения двойных написаний (*здравствуй на множество лѣтъ супругоу своею* (II, 122), *еще в печалехъ своих толка что обретаюся живыми* (II, 129)), а оставшиеся два принадлежали одному из авторов, допускавших немотивированный пропуск предлогов.

Обороты с локативом (локатив места, временной локатив) анализируются в четырнадцатом параграфе; также в данном параграфе рассматривается вопрос о формах выражения делиберативного объекта в узусе одного из авторов.

Среди контекстов, содержащих местн. п. в пространственном значении без предлога, по показаниям графики и языка грамоток четыре были признаны относительно надежными: *и мы смиреннии на Вологдѣ ноября по <> число млстию божиею живы домѣ сваем* (I, 286), *а мне б слыша про твое здореве о Христе радоватися а про меня изволи<> напаметоват и я на службѣ городе дал бгъ здорово* (I, 54), а также *и я марта въ АІ де<> чюд жив великою скорьби всяа зиму* (III, 76) и *а датулева быва<> у нас гсдри вочини твои у зборишкы прималы рыборныя подворно и мирския люди* (II, 207). Снова, как и в случае с примерами употребления беспредложного аккузатива цели движения, отмечается, что интерпретация зарегистрированных примеров именно как форм беспредложного локатива встречает сопротивление со стороны актуальных для XVII в. приемов оформления соответствующих значений. По показаниям широкого круга памятников, исчезновение беспредложного локатива места произошло до начала XIV в.⁴¹ Берестяные грамоты свидетельствуют, что в живой речи замещение беспредложных форм предложными завершилось к XIII в.;⁴² таким образом, найденные в грамотках примеры не находят поддержки в языке современных им памятников и памятников более раннего периода и, возможно, могут быть признаны случайными.

Шестнадцатый параграф посвящен рассмотрению одного из видов деформаций конца слова, а именно тех примеров, в которых пропущенный отрезок текста совпадал с аффиксом глагольной словоформы. По результатам рассмотрения были получены следующие данные: преобладают примеры с деформацией злевых форм, общее количество таких примеров в выборке равно 30; половина замеченных примеров объясняется через реализацию принципа устранения двойных написаний (*изволи<ли> вы, присла<ла>, не вел<ел>*). Кроме того, учитывались немногочисленные деформации иных форм глагола; с точки зрения графической надежности комментировались примеры с ненаписанием аффикса *ся*; приводились примеры с препозицией указанного аффикса, найденные в грамотках, в том числе *роспросит их про венчалное зная про Тихомирка Семенова что живет за Иваном Зловидовым в котором году ся он женил и в котором мѣсеце* (I, 111), и *у нас не скоро ся всякое дѣло делает* (XI, 250).

В данном параграфе анализируются также примеры деформаций аффиксов в словоформах существительных. Таких примеров в выборке 65. Первоначально

⁴¹ Борковский В. И. Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение). Львов, 1949. С. 381-383, Григорьева А. Д. К отношению предложности и беспредложности локатива в древнерусском языке // Доклады и сообщения института русского языка. Вып. I. М.-Л., 1948. С. 131.

⁴² См. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 142, 524.

отсеиваются те деформации, возникновение которых объясняется через устранение двойных написаний (с *дом<ом>*); затем в списке рассматриваемых словоформ выделялись группы, в которых пропуск аффикса наиболее частотен.

В связи с составом таких групп выдвигается предположение, согласно которому словоформа могла не быть дописана вследствие трудности выбора между konkurрирующими морфологическими вариантами. В частности, рассматривались следующие группы: формы твор. п. множ. ч. (*з дедуш<ь>*, *со всеми доброжелател<ь>*), формы им. п., род. п., дат. п. ед. ч. «ласкательных» диминутивов на *-ушк- (дедуш<ь> гсобръ Василии Михайловичъ, батюш<ь> твоего, государю моему дялюш<ь>*), формы существительных сред. рода в им.-вин. п. ед. ч. (*великое челобить<ь>*, *жаловон<ь> твое, ваше здоров<ь>*, *се писан<ь>*), формы существительных в составе количественных сочетаний (*двои работни<ь>*, *три бра<ь>*), а также деформации существительного *сирота*.

При рассмотрении группы примеров, содержащих недописанные формы твор. п. множ. ч. существительных, учитываются факторы, могущие оказывать влияние на присоединение существительными муж. и сред. рода окончания *-ами* (род существительного, его значение; наличие при форме существительного согласованной формы адъектива, однородных форм сочиненных существительных и др.).

В частности, обсуждается возможность влияния формы препозитивного адъектива на форму существительного, тенденция к уподоблению флексий адъектива и существительного. Кроме того, были сделаны заключения относительно различий в присоединении новой флексии твор. п. множ. ч. у диминутивов на *-ишк-* и *-ушк-*. Диминутивы типа *женишко, бобылишко, крестьянишко* испытывали в области словоизменения и вхождения в определенный согласовательный класс сильное влияние класса слов сред. рода. Предпочтение такими образованиями флексии *-ами* объяснялось с точки зрения активности флективного *-а-* в подпарадигме множ. числа: было выяснено, что такие диминутивы в им. п. множ. ч. фигурировали с окончанием *-а (детишка, крестьянишка, дочеришка)*. В то время как «ласкательные» производные на *-ушк-* образовывали форму им. п. множ. ч. путем присоединения флексии *-и*, соответственно, свойственные им колебания в образовании формы твор. п. множ. ч. закономерны.

Выяснено также, что диминутивы на *-ушк-* существовали в условиях конкуренции окончаний «женского» (им. п. *Петрушка*, род. п. *Петрушки*, дат. п. *Петрушке*, вин. п. *Петрушку*, твор. п. *Петрушкою*) и «мужского» (им. п. *батюшко*, род. п. *батюшка*, дат. п. *батюшку*, вин. п. *батюшка*, твор. п. *батюшком*) типов склонения, что и могло привести авторов к недописыванию таких словоформ.

Обсуждается возможность, в соответствии с которой лексема *сирота*, находящаяся в состоянии вариативного употребления согласно мужскому или женскому согласовательному классу, но в наших материалах чаще принимающая согласуемую форму адъектива в соответствии с полом лица, обозначаемого существительным (*твоя сирота*), могла реализовывать словоизменение по типу основ на *-*ъ* (? с *сиротом твоим*), ср.: *а со мною сира<ь> твоим пошол задворнои твои члвкъ Иван Исаев* (III, 58).

Принципиально важно, что найдены примеры деформации однородных форм у одного автора: так, в одной из грамот не дописаны только формы дат. п. *сира<ь> твоему и воево<ь> алексинскому*; возможно, недописывание вызвано выбором между формами дат. п. *сироте/сироты*. Данный факт может подтверждать продуктивность методики поиска грамматической мотивации аффиксальных деформаций в формах существительных.

Семнадцатый параграф посвящен рассмотрению инициальных сокращений. В выборке 109 примеров употребления таких сокращений, из них 22 - сокращения собственных имен лиц. Выделено 26 инициалов от словоформ различных частей речи (например: *г<ь>* - государь, грамотка, *ч<ь>* - человек, челобитье, *к<ь>* - крестьянин, *л<ь>* - алтын, *п<ь>* - пуд, *в<ь>* - ведро, *с<ь>* - сажень, *м<ь>* - монастырь, *д<ь>* - день, деревнишко, домишко, деньги; *т<ь>* - твои, *в<ь>* - великий, *п<ь>* - приказать, *б<ь>* - бить). Согласно

подсчетах, самой «сокращаемой» частью речи является существительное (87,4%), адъективы сокращены в 4,6% примеров, глаголы - в 3,5 % примеров. Восстановление полного вида деформированных словоформ не вызвало затруднений, так как сокращения употребляются либо в формульных разделах грамоток, чей состав предсказуем, либо в иных типизированных контекстах. Кроме того, отмечалось, что применение сокращений от обозначений считаеьмых объектов очень удобно, так как сокращенное написание не требует анализа при формировании квантитативных сочетаний с разными числительными (ср. *В человека - 1 человек*, но *Х ч* <>).

В восемнадцатом параграфе обсуждаются слоговые сокращения, являвшиеся крайне употребительными (в выборке фиксируется порядка 400 примеров), но образующиеся от короткого списка лексем (*де* <> - ден, *ал* <> - алтын, *ру* <> - рубль, *де* <> - дenga).

Девятнадцатый параграф представляет собой выводы к III главе, в котором указывается, что, в рамках главы были рассмотрены следующие типы сокращений: (1) сокращения конечных графем, (2) аффиксальные сокращения, (3) инициальные сокращения, (4) слоговые сокращения. Отмечается, что применимость приема сокращения не зависит от длины деформируемого слова.

В отношении пропуска конечных графем указывается, что в данной работе были учтены только более или менее регулярные типы сокращений. Наибольшей употребительностью отличается пропуск конечного *-j*. Данный вид деформации можно назвать «грамматически независимым», так как он применим в отношении любых словоизменительных аффиксов, содержащих условия для деформации. Значительно менее употребительный пропуск конечной графемы *-т* применялся по отношению к словоформам различных частей речи. Ограничений на употребление данного сокращения выявлено не было. Также было установлено, что формы 3 лица ед. и множ. числа наст.-буд. времени типа *работает* <>, *отрезаю* <> в нашем материале, по всей видимости, являются следствием недописывания словоформ, а не образованиями без *-t*. Единственный регулярный графический прием, для которого были выявлены сугубо грамматические ограничения - это сокращение конечной графемы *-м*, в материале грамоток неприменимый в формах глагола 1 лица множ. ч. наст.-буд. времени типа *просим* (также не найдены примеры деформации формы 1 лица ед. ч. наст.-буд. времени атематических глаголов типа *ем*, *дам*).

В тех случаях, когда деформация выявлялась только в составе определенного грамматического класса слов, например, только в злевых формах глагола, такое сокращение считалось аффиксальным сокращением (ср. *говори* <л> *я ему*, *я писа* <л> *к человеку своему*), а не регулярным пропуском конечной графемы. Среди глагольных форм наибольшее количество недописанных словоформ - это именно злевые формы; в половине случаев появление деформации объяснимо через применение графического приема устранения двойных написаний (ср. *вел* <ел>, *посла* <ла>, *изволи* <ли> *вы*).

Деформации словоизменительных аффиксов у форм существительных сравнительно немногочисленны, можно сказать, окказиональны. В рамках работы была произведена попытка найти подтверждение гипотезы, согласно которой неединичные и однородные примеры недописывания определенных грамматических форм могли быть вызваны трудностью выбора между конкурирующими морфологическими вариантами. Представляется, что до некоторой степени применимость этого предположения при рассмотрении деформаций аффиксов существительных доказана.

Кроме того, в главе III были описаны достаточно разнообразные инициальные сокращения, и употребительные, но немногочисленные слоговые сокращения; выделены контексты их употребления. И относительно инициальных, и относительно слоговых сокращений можно сделать общий вывод: применение сокращений от обозначений считаеьмых объектов для пишущих крайне удобно, так как такие написания не требуют

дополнительного морфологического анализа при формировании количественных сочетаний с разными числительными.

В Заключении подводятся итоги работы над заявленной темой. Указывается, что:

1) Источник устойчивой традиции, действующей при написании грамоток, установлен - это образцовые тексты грамоток, переписывавшиеся в составе «пописей учительных»;

2) В составе формул выявлен ряд изолированных синтаксических моделей. Это прежде всего конструкции с отсутствием формально-грамматического согласования между членами предложения и страдательная конструкция с использованием действительного причастия, присоединяющего твор.п. Выяснено, что именно воспроизводимость трафаретного раздела грамоток обеспечивала применимость данных синтаксических образований. Кроме того, было установлено, что оборот с прямообъектным номинативом в материале грамоток также достигает значительного количества вхождений в тексты за счет употребления в адресной формуле.

3) Систематическому рассмотрению подверглись явления, отражающие нарушение целостности словоформ в текстах грамоток, причем для конкретных типов деформаций были сформулированы либо правила применения сокращений, либо ограничения на их применение; важным представляется частичное подтверждение гипотезы, согласно которой ненаписание окончаний в формах существительных (т.е. аффиксальные деформации) могут быть вызваны причинами морфологического характера, а именно выбором между вариантными падежными окончаниями;

4) Согласно разработанному алгоритму был произведен анализ написаний без предлогов. По результатам предпринятого исследования можно заключить следующее: принятый алгоритм анализа ненадежных с графической точки зрения контекстов в целом работает. Установить происхождение конкретного употребления формы без предлога можно с определенной степенью достоверности, даже при том, что мы имеем дело с памятниками, выполненными скорописью, где одним из регулярных графических приемов является прием устранения двойных написаний.

Трудно сказать, в какой степени аттракция предлогов как один из результатов применения приема устранения графических дублетов наносила ущерб восприятию текста адресатом. Материал показывает, что больше всего примеров с аттракцией приходится на сочетания с творительным комитативным (*пожалуйте приедте Степаном вмѣсте*), так называемым творительным одушевленного орудия (*а деньхъ я послалъ полтину Семеновымъ человекомъ Ефимовча с Федоткомъ*) и родительным в значении исходного пункта перемещения (*бог понесет службы домоу*). Это подтверждает, что устранение двойных написаний с предлогом *с* — одна из устойчивых особенностей графики исследуемых текстов. Однако, чем бы ни было мотивировано устранение предлога, в процессе восприятия деформированного контекста читающий вынужден ориентироваться только на определенную падежную форму существительного с выражаемыми ею значениями, и уже затем обращаться к своему знанию о допустимых приемах письма.

Установлено, что ненаписание предлога в исследуемых текстах может происходить и вследствие отражения в письменном тексте произносительных особенностей (например, при переходе *в* > *у* в начале слова перед согласным), и по сугубо графическим причинам, в результате устранения графических дублетов, и (редко) — как следствие пропуска выносного написания. Таким образом, предлоги в скорописном тексте уязвимы, и этот факт делает еще более интересной задачу описания конкретных элементов контекста, способных поддерживать или дублировать значение предлога.

Наконец, в Приложении рассматриваются словоизменительные особенности диминутивов на *-ишк-*. Относительно особенностей склонения диминутивов на *-ишк-* сделаны следующие выводы: 1) в склонении таких образований, в том числе в склонении производных от имен женского пола, по-прежнему наблюдается значительное влияние типа склонения на *-*ѣ* слов сред. рода. В частности, достаточно последовательно данная

тенденция наблюдается в форме им. п. множ. ч., где мы наблюдаем образования типа *дочеришка, фережишка, крестьяннишка*. В том числе указанный факт сказывается на скорости прохождения а-экспансии в формах дат. – твор.-местн. п. множ. ч., 2) наблюдается отторжение системой словоизменения диминутивов активных вариантных флексий –у род. п. ед. ч., местн. п. ед. ч., и -ов род. п. мн. ч. Все это позволяет даже относительно материалов XVII в. говорить о более или менее единой системе склонения диминутивных производных на *-ишк-*, разрушение которой началось с производных от имен со значением лица женского пола.

Относительно присоединения диминутивами согласуемых форм сделаны следующие обобщения: 1) в выборке не найдены примеры, в которых диминутив, образованный от существительного со значением лица женского пола, принадлежал бы к словоизменительному типу имен на *-*ā*, но присоединял согласуемую форму среднего рода, 2) наблюдается обратная картина. Прежде всего в формах им. п. ед. ч., где зафиксировано наличие примеров типа *женишко твоя*, ср. также в *деревнишко мою*.

Кроме того, в Приложении обсуждается квалификация форм *благая желаемая* как форм ед. или множ. числа сред. рода в формуле типа *подаи бог тебе многолетняя здоровья и вся благая желаемая тобою*, ср.: *и то добро подаи бгъ и вперед вся благая желаемая тобою* (I, 17), *подаи гсдъ бгъ тебѣ гсдрю моему многолетняя здоровья и вся благая* (II, 224) *за симъ гсдрь мои подаждъ тебѣ всесилнии бгъ вся благая чево ты гсдрь мои у Христа желаетъ* (I, 256); приводятся аргументы в пользу того, что в данном случае мы имеем дело с формами среднего рода единственного числа, образовавшимися под влиянием аканья. Выявляется тенденция к специализированному употреблению форм сред. рода, совпавших с формами жен. рода. А именно, такие формы образовывались от субстантивировавшихся прилагательных (*добрая, злая, благая* – «доброе», «злое», «благое»). Употребительность таких форм обусловлена тем, что именно формы прилагательных находились «в авангарде» изменений, обусловленных аканьем и традиционно рассматриваемых как признаки системной перестройки, затрагивающей целостность именных парадигм среднего рода.

В заключительной части Приложения рассматриваются воспроизводимые сочетания с участием лексики *место* в пространственном, временном и количественном значении.

Некоторые положения настоящего исследования отражены в публикациях:

- 1) О деформации грамматики в формулах (на материале грамоток XVI – начала XVIII в.) // Вестник СПбГУ. Серия 9. Вып. 1. Ч. 1. 2009. С. 37–43;
- 2) К вопросу о согласовании с качественными в старорусском языке // История русского языка и культурная память народа. Материалы секции XXXVII Международной филологической конференции. СПб., 2008. С. 3–8;
- 3) Регулярность грамматически значимых лакунов в текстах бытовых писем XVI–XVII вв. // История русского языка и культурная память народа. Материалы секции XXXVIII Международной филологической конференции. СПб., 2009. С. 4–11.

Диссертационное исследование поддержано грантом КНВШ СПб. 2009 г.

Источники:

Гейман В. Г. Письмо подьячего В. И. Торокана из осажденного Смоленска в Москву в 1609 г. // ТОДРЛ. Т. XIV. М.-Л., 1958. С. 275–278. (IX).

Грамотки XVII – начала XVIII в. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова. М., 1969. (I).

Каштанов С. М. Частное письмо 1536/37 г. // Лингвистическое источниковедение. М., 1963. С. 140–143. (VI).

Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века. М., 1964. (II).

Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Подложные письма московского холопа XVII в. // Памятники русского языка. Исследования и публикации. М., 1979. С. 99-104. (VII).

Морозов Б. Н. Частное письмо начала XVII в. // История русского языка. Памятники XI-XVIII вв. М., 1982. С. 287-290. (X).

Панкратова Н. П. Письмо Д. Ларионовой (XVII в.) // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 252-257. (VIII).

Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / Изд. подгот. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968. (IV).

Памятники деловой письменности XVII в. Владимирский край / Изд. подгот. С. И. Котков, Л. Ю. Астахина, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова. М., 1984. (XI).

Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия: (из фонда А. И. Безобразова) / Изд. подгот. С. И. Котков, Н. И. Тарабасова. М., 1965. (III).

Сумкина А. И. Письма П. В. Постникова (конец XVII – начало XVIII в.) // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 173-191. (V).

Подписано в печать с оригинал-макета 12.05.2010 г.
Филологический факультет СПбГУ, 199034, С.-Петербург, Университетская наб., 11
Типография ОНУТ Филологического факультета СПбГУ
Тираж 100 экз.

